Д. А. ЛОМАКИН D. A. LOMAKIN

«ЧЕТЫРЕ СТОЛПА ГОСУДАРСТВЕННОГО ТРОНА»: ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ МАТЕРИАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ СУФИЙСКИХ РАННЕИСЛАМСКИХ ЦЕНТРОВ В КРЫМУ¹

«FOUR PILLARS OF THE STATE THRONE»: THE HISTORY OF RESEARCHES AND THE MODERN STATE OF MATERIAL MONUMENTS OF SUFI EARLY ISLAMIC CENTERS IN CRIMEA

Тема первоначального распространения ислама на территории Крымского полуострова до настоящего времени остается практически неисследованной. Частично объяснением этому может служить фрагментарность, а по отдельным вопросам полное отсутствие исторических источников. Разработки ряда отечественных историков последних десятилетий наметили общие направления перспективных научных поисков по данному сюжету, создав определенную фактологическую базу.

Н. Абдульваап считает, что основными проводниками ислама в Крыму являлись представители различных суфийских групп, проникавших на полуостров начиная с середины XIII в. Среди них отмечены выходцы из двух суфийских школ: среднеазиатской (тюркской) и иракской. При этом наибольшую активность проявляли представители первой из них, введя значительный ареал в круг своей миссионерской деятельности [Абдульваап, 2008, с. 22]. Установлено расположение основных на территории полуострова суфийских центров, за которыми в отечественной историографии закрепилось название «четырех столпов государственного трона и блюстителей окна правительственных дел» [Смирнов, 1913, с. 144]: селения Чоюнджи, Колеч (Коледж), Качы (Эфенди-кой) и Ташлы-Шейх-эли (Эдилер). Вполне вероятно, что все были основаны в начальный период распространения ислама в Крыму [Абдульваап, 2014, с. 13]. Ф. А. Хартахай, опираясь на народные предания, связал «четыре очага» с потомками первых татарских завоевателей Крыма, которые одновременно принадлежали к духовному сословию [Хартахай, 1866, с. 189]. Пейсонель указал на четыре старинных рода «людей закона», «которых можно причислить к знати, дворянам. Они обладали землями, на которых находились монастыри дервишей – текие и могилы некоторых лиц, считающихся святыми, и которых татары посещают из набожности. <...> Это четыре великих шейха – шейх Катши [Качы - авт.], Гелеш [Колеч - авт.], Тшовунше [Чоюнджи - авт.], Ташелу [Ташлы - авт.]»

¹ Работа выполнена в рамках реализации проекта РНФ № 20-18-00076 «Эволюция городов на Внутренней гряде Крымских гор в Средние века и Новое время».

[Peyssonel, 1787]. С полной уверенностью можно утверждать, что суфизм сыграл важнейшую роль в истории государственности Крымского ханства. К XVII в. суфийские братства функционировали во всех значимых центрах полуострова, «Крым был регионом достаточно широкого распространения суфийских идей и располагал довольно разветвленной сетью соответствующих организационных структур» [Абдульвапов, 2005, с. 180]. Наибольшее число обителей находилось в Бахчисарае, Кафе, Карасубазаре [Бахревский, 1997, с. 399]. К середине XVIII в. в Крыму их насчитывалось, по меньшей мере, 50 [Абдульвапов, 2005, с. 185]. Неоднократно отмечена приверженность суфийскому учению представителей ханской династии.

Село Чоюнджи (с. 1946 г. – Брусилово, с 1953 г. – Урожайное) располагалось в Центральном Крыму, в 17 км к северу от Симферополя. Каких-либо архитектурноархеологических памятников на его территории не выявлено. Посетивший селение во второй половине XVII в. турецкий путешественник Эвлия Челеби отметил, что «здесь живет Мехмед-эфенди – первый человек среди тех, чья молитва услышана» [Челеби, 2017, с. 264]. В. Х. Кондараки указал на наличие в селении захоронения шейха, которое местные жители почитали в качестве святого места [Кондараки, 1875а, с. 8]. Обращают на себя внимание располагавшиеся неподалеку села Барак-Эли² («Селение Барака») и Шейх-Кой³ («Селение Шейха»). Есть основания предполагать, что ранее они составляли единый крупный религиозный комплекс. Подтверждением этому, кроме местной топонимики, могут служить руинированные остатки мечети, расположенные около последнего из упомянутых сел на левом берегу р. Бештерек. Они представлены уцелевшими почти на всю высоту остатками южной стены с михрабом, разрозненными архитектурными деталями и крупным обломком купола. Скрытые культурным слоем части здания четко прослеживаются на поверхности земли. Постройка была взорвана в 50 годах прошлого века [Абдульваап, 2014, с. 12].

Первые сведения о памятнике в отечественной историографии относятся к концу 20-х гг. ХХ в. О.-Н. А. Акчокраклы в отчете о научно-исследовательской работе за 1928 г. упомянул научную разведку в с. Шейх-Кой, которая была проведена совместно с Б. Н. Засыпкиным и У. А. Боданинским. Им был выполнен перевод резной надписи на арабском языке, расположенной над дверным проемом: «Сын султана Гыяс-эд-Дина/Бирди-Бик хан, да будет вечным царство его/Построено это здание для хафизов (знающих Коран/наизусть) в дни правления великого эмира/Кутлуг-Темурбека, сына Туляк-Тимур-/Бека, сына Хаджи ... (?)». Над вторым входом в мечеть, расположенным позади подножия минарета, в западной стене основного объёма

² **Барак-Эли** (с 1948 г. – Бараки) – упраздненное село в Симферопольском районе Республики Крым, в период с 1954 по 1968 год включено в состав с. Урожайного. Есть основания предполагать связь топонима с личностью последователя шейха Сейид Сары Салтука (умер в 1293/96) – Барака Бабы (убит в 1308). Оба – легендарные «борцы за веру», проповедники ислама в Крыму.

³ **Шейх-кой** (с 1948 г. – Давыдово) – поселок сельского типа в Симферопольском районе Республики Крым, входит в состав Донского сельского поселения. По данным на 2014 г., в поселке проживало 7 человек.

здания, также была выявлена и переведена надпись с датой постройки: «15-го дня благословенного месяца Шаабана 760 г. (1358 г.)». Участниками было отмечено, что «надпись хорошо сохранилась над входом в строение» [Акчокраклы, 2016, с. 116]. Присутствовало указание на функциональное назначение здания — школу Хафизов (чтецов и знатоков Корана) [Акчокраклы, 2006, с. 253].

Качественный прорыв в исследовании памятника произошел за последнее десятилетие. Своеобразным катализатором возрождения интереса к объекту культурного наследия послужили публикации Н. Абдульваапа в 2006 [Абдульвапов, 2006] и 2014 [Абдульваап, 2014] годах, в последней из которых не только был упомянут памятник, но и размещен неопубликованный до этого момента фотоснимок 1928 г. с его изображением. При этом автор «фрагмент прекрасного михраба местной мечетиобители», без сомнения, датировал концом XIV в., что, по его мнению, «может свидетельствовать о наличии здесь в своё время крупного религиозно-суфийского центра» [Абдульвапов, 2006, с. 144]. Н. Абдульваап также предположил, что Мевляна Реджеб⁴, получивший почетный титул наставника чтецов-рецитаторов, мог быть выпускником школы Хафизов в с. Шейх-Кой [Абдульваап, 2014, с. 13]. Ссылаясь на датировку памятника 1358 г. О.-Н. А. Акчокраклы, «образцом золотоордынской культовой архитектуры» памятник был назван Э. И. Сейдалиевым [Сейдалиев, 2014, с. 67].

Фундаментальные исследования памятника связаны с научными изысканиями В. П. Кирилко и С. Г. Бочарова. Начиная с 2015 г. ими была опубликована серия статей, посвященных истории изучения мечети, выполнен архитектурный анализ, сделан ряд предположений относительно ее датировки и функционирования. Авторами введен в научный оборот выявленный в Государственном научно-исследовательском музее архитектуры им. А. В. Щусева (ГНИМА) обмерный план мечети в масштабе 1:50, выполненный в 1929 г. на основании кроки, составленного Б. Н. Засыпкиным [Кирилко и др., 2015, с. 118, рис. 7]. При этом отмечено, что при возведении здания были вторично использованы многочисленные архитектурные детали золотоордынского периода, в частности сталактитовые консоли портала и посвятительная надпись на арабском языке, ранее переведенная О.-Н. А. Акчокраклы [Кирилко и др., 2015, с. 112], михраб. Были проведены параллели между оформлением последнего и орнаментикой архитектурного убранства мечети Узбека и медресе Инджибей Хатун в Старом Крыму. Шейхкойская мечеть авторами была отнесена «к одному из основных провинциальных типов османских культовых сооружений», а ближайшими аналогиями названы утраченная к настоящему моменту мечеть в селении Колеч и Куршумлу-Джами в г. Пазарджик (Болгария) [Кирилко и др., 2015, с. 113].

Авторами предпринята заманчивая попытка отождествить Шейх-Кой с Азизлером, описанным Эвлией Челеби. По свидетельству турецкого путешественника, селение находилось на полпути между Акмесджидом и Карасубазаром. Он же

⁴ **Мевляна Реджеб бин Ибрахим** (?–1386) – мастер в деле чтения Корана. Получил титул «шейх-улькурра», т.е. наставник профессиональных чтецов Корана.

<u> БББББББББББББББ</u> Боспорские исследования, вып. XLIII

указал на наличие здесь «постоялого двора – дворца для гостей», «рядом с этим постоялым двором – место паломничества Баба Ядикяр» и «подобное райскому саду текке, где тюрбедар Баба Хинди живет со своей семьей» [Челеби, 2017, с. 158]. В.П.Кирилко и С. Г. Бочаров заключили, что «если предположение правильно, то во времена Крымского ханства мечеть действительно находилась в селении Азизлер и являлась важной составной частью комплекса, включавшего в себя разновременные сооружения» [Кирилко и др., 2015, с. 114]: место поклонения и паломничества (погребение или мавзолей) святого Баба Ядикяра, текие, в качестве которого вполне могли выступать многочисленные пристройки к мечети и хан. Таким образом, данное предположение соответствует выводам Н. Абдульваапа о существовании в данной местности суфийского центра. Возведение мечети с использованием архитектурных фрагментов постройки 1358 г. авторами связано с активной строительной политикой Менгли-Герая.

Отдельная публикация В. П. Кирилко посвящена изучению михраба шейхкойской мечети [Кирилко, 2016]. Автором введены в научный оборот кроки плана, фасада и вида фрагмента михраба 1928 г. из фондов ГНИМА [Кирилко, 2016, с. 139]. Определенный интерес представляют сохранившиеся заметки на полевом обмерном чертеже. В частности, указано, что михраб «окрашен грубо масл. [яной] краской: тем. [но-]зеленой, ультрамарин и сурик», многослойные остатки которой повсеместно сохранились до настоящего времени. В. П. Кирилко отметил, что «цветовая гамма является традиционной и имеет параллели в позднесредневековом художественном убранстве михраба т.н. мечети Узбека в г. Старый Крым, где в качестве основных использованы аналогичные колера» [Кирилко, 2016, с. 147]. Предварительные итоги исследования позволили автору утверждать, что «михраб мечети в Шейх-Кой является сполией и прежде находился в ином, не локализованном пока строении. Он действительно имеет характерные для сельджукской декоративной пластики формы и в своем первоначальном виде уверенно может быть датирован 1358 г., но наряду с этим в нынешнем состоянии демонстрирует признаки весьма неумелого восстановления конхи, обусловленного низким профессиональным уровнем мастера и утратой отдельных элементов, равно как изменением при сборке исходного плана сооружения – прямоугольного на семигранный» [Кирилко, 2016, с. 148].

Результатом продолжавшейся совместной работы В. П. Кирилко и С. Г. Бочарова стала публикация «Исторические и архитектурные метаморфозы Шейх-Коя» в 2016г. [Бочаров и др., 2016]. Авторами были выделены основные ареалы золотоордынской оседлости в Крыму: юго-восточный с центром в Солхате, юго-западный (Эски-Юрт, Кырк-Ер) и центральный (Карасубазар, Ак-Мечеть). Отмечено, что последний является наименее изученным. Авторами выдвинута идея о размещении золотоордынских поселений вдоль крупных торговых караванных путей. Одна из таких магистралей, бесспорно, связывала в XIV в. юго-западный и юго-восточный центры через Карасубазар и Ак-Мечеть. Суфийская обитель (текие) Шейх-коя, по мнению авторов, могла возникнуть в качестве промежуточной станции (яма), рас-

полагавшейся на полпути между Ак-Мечетью и Карасубазаром – в пределах одного дневного перехода [Бочаров и др., 2016, с. 375].

Авторами был выполнен детальный анализ архитектоники здания, представлен ряд сведений о внутреннем обустройстве мечети. Подчеркнуто, что обе ранее переведенные О.-Н. А. Акчокраклы надписи являются вторично использованными архитектурными деталями и прежде принадлежали совершенно другой, более ранней постройке. Было высказано предположение, что они могли ранее являться частями одного текста [Бочаров и др., 2016, с. 378]. Отмечено, что, учитывая отсутствие археологических работ на памятнике, все выводы носят предварительный характер. При этом, по мнению В. П. Кирилко и С. Г. Бочарова, «уверенно можно утверждать, что данная мечеть была возведена в XVI – XVII вв., а украсившие её михраб и фрагменты портала с посвятительной надписью являются сполиями и прежде находились в ином, не локализованном до сих пор, строении, причём они могли быть как местного происхождения, так и доставлены из удалённого источника» [Бочаров и др., 2016, с. 390].

К моменту публикации статьи ее авторами был выявлен ряд представляющих значительный интерес документов в Государственном архиве Республики Крым (ГАРК), в частности, дело о ремонте памятника в конце XIX в. [Бочаров и др., 2016, с. 376]. Из документа следует, что состоявшие при шейхкойской мечети хатип Абдурешид Абдуллаоглу и имам Абдуль Керим Челеби 10 марта 1898 г. обратились к Таврическому губернатору с просьбой о необходимости ремонта здания: «Мечеть эта и находящееся при ней текие и в особенности минарет пришли в ветхость и требуют существенного ремонта и, кроме того, согласно духу времени, необходимо сделать некоторые изменения и улучшения в текие»⁵. Проект ремонта памятника был разработан архитектором А. Карапетовым, емко охарактеризовавшим постройку: «Мечеть села Шейх-Кой Симферопольского уезда каменное многолетнее здание; сначала состояла из главной 4-стенной части с купольным покрытием; затем к ней был пристроен минарет и поздние помещения, находящиеся впереди и по бокам. ...Пристройки сложены из бутового камня, но на глине. Крыши их покрыты черепицею, и потолки также пришли в ветхость; полы земляные. Все эти помещения очень низки, <...> на высоту 2,5 аршин и потому в этих помещениях едва можно стоять. Окна и двери очень малы, так что в них темновато, и входить в дверь надо значительно нагибаясь, и потому небезопасно, кроме того, они и ветхи»⁶.

Очередная совместная публикация авторов [Бочаров и др., 2017], завершившая (на данный момент) серию статей о мечети близ с. Давыдово, стала своеобразным итогом многолетней работы по изучению памятника. Работа аккумулировала все ранее изложенные в трех предыдущих публикациях В. П. Кирилко

⁵ ГАРК. Ф. 27. Оп. 13. Д. 3016. Л.1, 48.

⁶ГАРК. Ф. 27. Оп. 13. Д. 3016. Л.1, 49.

<u> Бырыныныныныны</u> Боспорские исследования, вып. XLIII

и С. Г. Бочарова выводы и предположения. Представлены выявленные авторами в архивохранилищах материалы по истории функционирования здания.

Второй «опорой государственного трона» в ранний период ислама в Крыму принято считать религиозный центр, располагавшийся в юго-восточной части полуострова в селении Колеч (Колечь, Колеч-Мечеть, Коледж), которое в предвоенные годы было включено в состав Новопокровки7 и в настоящее время является его юго-восточной частью. Как и в предыдущем случае, информативные сведения содержит местная топонимика. В 5 км от Новопокровки расположено село Журавки⁸, которое до 1945 г. имело название Сейт-Эли (Сеййид-Эли), что можно перевести как «Селение (край) Сейида». На основании этого можно предположить, что в данной местности какое-то время проживал упоминавшийся выше Сейид Сары Салтук. В 6 км от с. Журавки и в 10 км от с. Новопокровка расположено с. Партизаны⁹, до 1948 г. носившее название Шейх-Эли¹⁰, что является еще одним доводом в пользу последнего тезиса. Вполне вероятно, что компактно расположенные села, образуя условный треугольник, ранее составляли единое целое и являлись одним из крупнейших мусульманских религиозно-духовных центров Крыма. В этой же местности расположено село Синицыно¹¹ (до 1948г. - Барак), возможно, также связанное с личностью легендарного последователя Сейид Сары Салтука – Барака Бабы.

Из четырех упомянутых сел материальные подтверждения размещения в этом районе религиозного центра выявлены в Новопокровке. В конце 50-х гг. ХХ в. в селе на строительные нужды при возведении переселенческих жилых домов была разобрана мечеть, в которой, по свидетельству местных жителей, до этого попеременно располагались амбар, кузница, сельский клуб. При проведении строительных работ на частном землевладении по адресу ул. Советская, 35, М. Минзатовым был обнаружен фундамент, сложенный из крупных камней на известковом растворе с примесью толченой керамики, предположительно представляющий собой остатки мечети. Рядом располагалось кладбище с множеством надгробий, утраченных в настоящее время [Гаврилов, 2008, с. 359]. В 0,65 км к юго-востоку от выявленных остатков мечети рядом с курганом № 2134 находился мавзолей. При обследовании данного места было обнаружено небольшое количество мелких бутовых известняковых кам-

 $^{^{7}}$ Новопокровка — село в Кировском районе Республики Крым, входит в состав Журавского сельского поселения.

Журавки – село в Кировском районе Республики Крым, центр Журавского сельского поселения.
 Партизаны – село в Кировском районе Республики Крым, центр Партизанского сельского поселения.

¹⁰ Селение **Шейх-Эли** находилось в 0,7 м к северо-востоку от с. Партизаны. Территория подвергается распашке. Подъемный материал представлен фрагментами красноглиняной поливной керамики с различными вариантами геометрического и растительного орнаментов, выполненных в технике сграффито, монетами золотоордынской чеканки. На основании археологического материала селение датировано XIV – XV вв. Шурфовки и раскопки не проводились.

¹¹Синицыно – село в Кировском районе Республики Крым, центр Синицынского сельского поселения.

ней, фрагментов черепицы и поливной керамики. Ныне территория занята мусульманским кладбищем, частными огородами и пахотным полем. Подъемный материал представлен фрагментами поливной керамики с различными вариантами геометрического и растительного орнаментов. На основании археологического материала поселение датировано XIV – XVIII вв. Археологические исследования не проводились [Гаврилов, 2008, с. 359]. Территория бывшего поселения занята жилой застройкой, бывшей молочно-товарной фермой и пахотными полями.

Селение Колеч и мечеть в нем упомянул Э. Челеби: «...Остановка Колеч-Саласы. Она расположена недалеко от крепости Кефе. Там 200 татарских домов, соборная мечеть с высоким куполом и каменным минаретом, баня и строения, крытые свинцом. Там имеются сады и виноградники, это благоустроенная деревня. Здесь жил шейх — святой Ахмед-эфенди из Коледжа, предсказатель и великий султан. Теперь у него сорок тысяч мюридов из родов носящих рубище живут в Крыму, это верные влюбленные. На его могиле безграничны благодеяния приходящим и уходящим, богачам и нищим, ночью и днем» [Челеби, 2017, с. 226]. Последнее свидетельство турецкого путешественника можно расценивать в качестве описания святого места или Азиза, который, скорее всего, был расположен близ мечети. Согласно сведениям Н.Абдульваапа, в селении Коледж находилась могила шейха ордена хальветийе святого Ахмеда-эфенди Куледжского [Абдульвапов, 2005, с. 189].

Дальнейшие сведения о мечети получены благодаря подвижничеству членов Таврической ученой архивной комиссии (ТУАК) и выявлены на страницах ИТУАК. Установлено, что в 1897 г. был поднят вопрос о необходимости ремонта здания, на что тогда требовалось 500 рублей. Императорской археологической комиссией (ИАК) ремонт был признан желательным, но по неустановленным причинам не состоялся. В сентябре 1914 г. ТУАК вновь уведомила ИАК о плачевном состоянии памятника. Отмечалось, что «в разных местах здания появились трещины, штукатурка обвалилась, нет запоров, никто не заботится об охране мечети» [протоколы.., 1915, с. 220]. В ответ на обращение в начале 1915 г. из Петербурга поступил запрос Таврическому губернатору с просьбой предоставить проект ремонта здания и его смету.

В мае 1915 г. по предложению Н. А. Княжевича был произведен осмотр мечети комиссией ТУАК в составе Л. П. Колли, Л. Н. Папарупа и исполняющего обязанности Таврического губернского архитектора И. В. Ларионова с целью определения необходимых действий для «поддержания здания в прочном и безопасном состоянии» [протоколы..., 1915, с. 220]. В результате был намечен рад первоочередных мер, который включал в себя: «1. Восстановить разрушенную часть облицовки северной стены восьмигранника под куполом мечети; 2. Исправить, а частью перекрыть заново каменными плитами крышу купола мечети; 3. Сделать черепичную кровлю над входом в мечеть; 4. Расшить все швы в кладке стен, а также и имеющиеся незначительные трещины; 5. Оштукатурить заново <...> стены в тех местах, где штукатурка обвалилась или плохо держится; 6. Сделать две новые двери с обивкой наружной двери железом; 7. Сделать во все окна железные переплеты с остеклением

<u> ББББББББББББББ</u> Боспорские исследования, вып. XLIII

их; 8. Расшить и залить цементом швы в плиточном полу; 9. Побелить стены и свод внутри мечети; 10. Покрасить масляной краской хоры» [протоколы.., 1915, с. 220]. И. В. Ларионовым была составлена смета, которая 21 июля отправлена на заключение в ИАК. В октябре получен ответ, в котором сообщалось, что ремонтные работы должны быть проведены с соблюдением следующих условий: «1. Каменную крышу над входом в мечеть только ремонтировать, не прикрывая черепицей; 2. Сохранить существующие дверные створы, поправив их; 3. Оконные рамы вставить только в верхние окна, так как нижние окна хорошо закрыты внутренними ставнями, а если их застеклить, то стекла будут скоро разбиты; 4. Сохранить существующие в окнах решетки и каменный резной наличник у второго окна, считая от минарета; 5. Внутри мечети не белить, но только обтереть от пыли и паутины и сохранить замечательные орнаменты и сталактиты, которыми украшен михраб; 6. Не красить хоры» [протоколы.., 1915, с. 221]. Учитывая замечания ИАК, И. В. Ларионовым были внесены необходимые корректировки в смету, которая в конечном итоге составила 2561 рубль 63 копейки. О выделении необходимой суммы из вакуфного капитала было подано прошение губернатора в Министерство внутренних дел.

Согласно протоколу заседания ТУАК от 9 декабря 1915 г. Л. П. Колли и И.В.Ларионовым был сделан совместный доклад «К реставрации мечети в д.Кулеч-Мечеть Феодосийского уезда». Сообщение, кроме общих сведений о памятнике, содержало ряд деталей, не отмеченных авторами дальнейших работ. В частности, было указано, что «нижние окна мечети закрываются внутренними ставнями», «в самой мечети пол выстлан гончарными шестигранными плитками, а в боковых частях входа — кирпичом, в средней части входа пол земляной» [Протоколы..., 1915, с. 219]. Отмечено, что «михраб украшен прекрасными орнаментами и сталактитами. Сталактитами же украшена и внутренняя дверь в мечеть со стороны входа. <...> Мечеть построена из твердого известняка, частью штучного, а частью бутового камня, а минарет весь из штучного чисто тесаного камня. Крыша мечети покрыта каменными плитами» [протоколы..., 1915, с. 220].

Из протокола заседания ТУАК от 25 июня 1920 г. следует, что памятник был отремонтирован в 1917 г., но уже вскоре «варварски разгромлен. Массивная деревянная входная дверь снята и унесена. Плиты с фресками частью перебиты. Деревянная приставная лестница хор унесена. В решетке окна некоторые прутья выломаны. Решетки на хорах нет. С минарета сброшено около десяти массивных плит, скрепленных проволокой и составлявших бордюр его. Великолепный могильный памятник у мечети и другой памятник разбиты. Необходимо немедленно замуровать вход и окна камнем, на что, по исчислению председателя Феодосийской земской управы Я. Р. Журавлева и земского техника А. Н. Галанина, требуется 40–50 тысяч рублей» [протокол..., 2004, с. 124]. В письме на имя председателя ТУАК В. Д. Гейман, осмотревший мечеть вместе с земским техником Галаниным, дополнил сообщенные ранее сведения: «В левом углу мечети лежат обломки чаши и балдахина с рисунками, а также остатки статуи. В середине михраба имеются следы от пуль. В правом углу

сбит карниз каменной лестницы, лежат остатки плит с фресками, решетка сломана. Перила хор и лестница унесены, и хода наверх нет. Свод мечети дал трещину в двух местах. Снаружи мечети валяются плиты с балкона минарета. Плиты памятников возле мечети разбиты. Полумесяц на куполе мечети сбит выстрелом» [протокол.., 2004, с. 124].

В 1927 г. Б. Н. Засыпкин описал памятник следующим образом: «В основе план мечети представляет правильный квадрат, перекрытый куполом, на сферических парусах, четыре стены имеют по четыре больших стрельчатых окна, расположенных в два яруса, и вверху по центральной оси - круглое <...>. Михраб в южной стене представляет двойную нишу <...>. Является богато и разнообразно орнаментированным и, несмотря на то, что нижние его части разрушены, а он безвкусно раскрашен яркими красками, производит интересное впечатление <...>. Не менее интересен по аналогичной обработке вход в мечеть¹², в настоящее время выходящий в <...> пристроенную северную часть <...>. Тимпан был заполнен растительным орнаментом <...>. Стены выложены из тесаного камня, купол и крыши выстланы плитами. В юго-западном углу внутри сохранился в полуразрушенном состоянии каменный мембер. Мечеть требует срочного ремонта обвалившейся восточной стенки барабана» [Засыпкин, 1927, с. 145–146]. Об архитектурной стилистике и датировке памятника Б. Н. Засыпкин подчеркнул, что вместе с Карагозской она отражает тип купольной османской мечети, который получил распространение на полуострове [Засыпкин, 1927, с. 146].

Здание мечети пострадало в результате землетрясения 1927 г.: образовался ряд трещин и разрывов кладки восьмигранного барабана, в результате которых произошел обвал его трех граней, частично нарушилась кладка примыкающих граней. Разрушился притвор мечети, остались лишь части восточной и западной стен [Отчет.., 2008, с. 91–92]. С 12 августа по 10 сентября 1932 г. на памятнике проводились реставрационные работы, осуществлявшиеся согласно распоряжению архитектора Центральных государственных реставрационных мастерских Д. Н. Сухова группой феодосийских каменотесов под руководством турецкого мастера Яни Фока и наблюдением Н. С. Барсамова. Согласно отчету последнего о работах на памятнике, «все рекомендации, отмеченные в акте обследования разрушений, составленном архитектором Д. Н. Суховым, были полностью выполнены. <...> Все работы сделаны добросовестно с соблюдением характера первоначальной кладки». После окончания работ на стене была сделана надпись краской: «На основании Декретов Советского правительства эта мечеть, как древнейший исторический памятник, ценный для науки о прошлом Крыма, состоит на особом учете и находится под охраной Крымсовнаркома.

¹² Аналогии портала мечети в селении Колеч Е. А. Айбабиной были выявлены на городище Чуфут-Кале, где во время археологических исследований в 1929 г. был обнаружен архитектурный фрагмент, на котором также был применен прием очерчивания ниши с целью усиления декоративного эффекта [Айбабина, 2018, с. 160].

<u> Бырыныныныныны</u> Боспорские исследования, вып. XLIII

Разрушение мечети карается как уголовное преступление» [Отчет.., 2008, с. 91–92].

Из утраченных архитектурных памятников исследуемых духовных центров наилучшая возможность реконструкции архитектурного облика имеется при рассмотрении стилистики мечети селения Колеч. Выявлено значительное количество иллюстративного и фотографического материала, не только зафиксировавшего памятник с разных сторон, но отразившего различные детали его внутреннего декора.

Наиболее ранним выявленным изображением мечети является рисунок середины XIX века феодосийского художника В. О. Руссена. Работа, в настоящее время являющаяся частью фондов Феодосийского музея древностей [Петрова, 2015, с. 135], представляет собой подготовительный эскиз для запланированных литографий, которые так и не были выполнены. Мечеть изображена с северо-востока, вокруг нее хорошо заметны следы многочисленных захоронений, находящихся в заброшенном состоянии, о чем свидетельствуют частично разрушенные покосившиеся надгробия. Здание мечети архитектурно целое, следов серьезных разрушений не выявлено. У южной стены мечети изображен надгробный памятник в виде открытой арочной беседки: «Сооружение прямоугольное, с высоким цоколем и шестью арками стрельчатого профиля. Арки поддерживаются невысокими круглыми колоннами, пяты арок опираются на квадратные плиты капителей. Монотонность плоскостей арок оживляется широким срезом по краю и карнизом по верху. Арки соединены железными связями. Вероятно, памятник был перекрыт куполом, который не сохранился». [Ломакина, 2020, с. 92; Ломакина, 2019, с. 220]. Наличие значительного количества захоронений и надгробных сооружений различных форм свидетельствует о продолжительном функционировании некрополя вокруг мечети.

В середине 20 годов XX века по инициативе КрымОХРИС была начата зарисовка крымских памятников, порученная феодосийскому художнику К.Ф.Богаевскому. В фондах Феодосийского музея древностей и Феодосийской картинной галереи им. И.К. Айвазовского выявлены три акварели художника с видами мечети¹³. Их детальный анализ представлен в публикациях М.А.Ломакиной [Ломакина, 2020, с. 86–95; Ломакина и др., 2019]. Работы, выполненные с большой точностью и с разных ракурсов, являются существенным дополнением к имеющимся фотографическим снимкам.

Сохранившегося иллюстративного и фотографического материала достаточно, чтобы говорить об общей архитектонике здания. Фотоснимки 20 годов XX века, большая часть которых отложилась в Отделе письменных источников Государственного исторического музея (ГИМ ОПИ, Москва)¹⁴ и фондах Бахчисарайского историкокультурного археологического музея-заповедника (БИКАМЗ)¹⁵ [Мечети Крыма..., 2016, с. 35; Мирас-Наследие, 2016, с. 468–469, рис. 466–467, с. 473, рис. 471, с.478–480, рис. 476–478, с. 483–484, рис. 481–482, с. 503–504, рис. 501–502, с. 512, рис.510,

¹⁴ГИМ ОПИ. Ф. 598. Д. 45. Л. 55, 57, 63, 66–68, 74.

¹⁵ БИКАМЗ. Ф-514, Ф-515, Ф-524, Ф-527–Ф-531.

с. 515–519, рис. 513–517; 23, с. 211] зафиксировали памятник с разных сторон и ракурсов, что позволило полностью реконструировать его облик. Основанием мечети служил квадрат со стороной 14,2 м (согласно плану Б. Н. Засыпкина [Мирас-Наследие, 2016, с. 519, рис. 517]). Стены возведены из обработанного камня. Массивный кубический объем нижнего яруса мечети с помощью угловых скосов под прямым углом переходил в восьмигранный барабан, который завершался полусферическим граненым куполом. Купол, покрытый каменными плитами, венчал алем из двух разноразмерных шаров на стержне. Оконные проемы располагались в два яруса, нижний представлен прямоугольными окнами, симметрично расположенными по два в каждой стене постройки. Снаружи они были обрамлены узким выступающим бордюром, образующим над ними стрельчатую арку, глухие люнеты которой украшались резьбой. Окна второго яруса – проемы со стрельчатым арочным завершением, между ними – круглые окна, находящиеся по оси фасадов.

Портал располагался в центре северной стены, над ним, видимо, находился тарих, текст которого не зафиксирован. Дверной проем был богато украшен резьбой, его детальное описание выполнено Б. Н. Засыпкиным [Засыпкин, 1927, с. 145]. К северо-западному углу здания примыкал минарет. Вход в него располагался в восточной части квадратного в плане цоколя высокой прямоугольной формы, который при помощи четырех скошенных граней переходил в восьмигранник. На призматической части видны треугольные грани, имитирующие тромпы. Ствол минарета граненый, в верхней его части находился шерфе, поддерживаемый тремя сталактитовыми поясами. Высокий конический купол венчал алем из трех разноразмерных шаров и полумесяца.

У северного фасада размещался большой притвор со щипцом по центру кровли и двумя низкими куполами по бокам, входной портал оформлен в виде глубокой ниши с полуциркульной аркой. Вероятно, пристройка появилось позже основного здания мечети. Она была прямоугольной в плане и закрывала нижнюю часть северной стены вплоть до окон верхнего яруса. Двумя поперечными арками помещение было разделено на три части. В средней находился проход в основное здание, в восточной – вход в минарет, в южной была устроена дополнительная михрабная ниша.

Во внутренней части южной стены мечети размещался михраб, украшенный резным декором, также детально описанный Б. Н. Засыпкиным [Засыпкин, 1927, с.145]. С внешней стороны по оси южной стены здания располагалась внешняя сторона михраба в виде прямоугольного выступа, находящегося между двух стрельчатых окон. Резные декоративные элементы мечети селения Колеч выполнены в сельджукской стилистике. Источник ранних архитектурных фрагментов не выявлен, но исходя из письменных свидетельств о расположении здесь суфийского духовного центра, можно предполагать, что он также находился в этой местности, возможно, и в этом поселении. Не исключено, что дошедшая до нас на многочисленных фотоснимках 20 годов XX века мечеть османского периода была возведена на основе более ранней, воплощавшей в себе черты сельджукской архитектуры. Ближайшей аналогией

рассматриваемого сооружения является также утраченная к настоящему моменту мечеть в селении Карагоз (ныне – с. Первомайское Кировского района Республики Крым). Оформление портала и михрабной ниши может быть сопоставимо с аналогичными элементами, также вторично использованными, мечети Узбека в Старом Крыму. Прямых свидетельств о дате возведения памятника не выявлено. Исходя из его архитектурных особенностей, можно предположить, что мечеть была построена в XVI – XVII веках.

Мечети в селениях Шейх-Кой и Колеч В. П. Кирилко и С. Г. Бочаровым были отнесены «к одному из основных провинциальных типов османских культовых сооружений» [Кирилко и др., 2015, с. 113]. Авторами отмечено, что «подобно шейх-койскому строению в мечети Колеча также вторично используются остатки более раннего, неизвестно откуда перемещённого михраба сельджукского типа, которые здесь были дополнены новыми, но близкими по времени архитектурными и декоративными деталями, существенно изменившими первоначальный вид сооружения» [Кирилко и др., 2015, с. 113] В. П. Кирилко и С. Г. Бочаров предположили возможную относительную синхронность возведения обеих построек, а также подчеркнули, что оба памятника объединяет их предполагаемое назначение — они могли являться главными культовыми сооружениями религиозно-суфийских центров [Кирилко и др., 2015, с. 113].

Третий «очаг» был расположен в юго-западном Крыму в селении Качы (Качи), современное название – Айвовое¹⁶. Село расположено на западе Бахчисарайского района, в нижнем течении р. Кача, по обоим её берегам, на левом склоне долины, в устье балки Зелинской. Село лежит в стороне (0,5 км южнее) от проходящего по долине шоссе Т-2701 Бахчисарай-Орловка. До 1948 г. называлось Эфенди-кой, когда было переименовано в Комсомольское. Позднее, между 1954 и 1968 гг., название было изменено на Айвовое. Слово «эфенди» (тур. efendi) – греческого происхождения, в турецком языке означает «господин», также используется как вежливое обращение к человеку, имя которого неизвестно (аналог русского «сударь»). В крымскотатарском языке используется в качестве обращения к учёным, образованным людям, в частности - к священнослужителям. Таким образом, историческое название села можно перевести как «селение мудреца». Впервые упоминается под названием Качи в труде Э. Челеби: «Это деревня на берегу реки Качи с тремя сотнями домов, садами и виноградниками, с двумя древними мечетями, с одной баней, одним постоялым двором. Она похожа на красивое касаба¹⁷. Мы гостили там в текие святого Хызр Шаха-эфенди. <...> Ночью и днем мы наблюдали круговой зикр

 $^{^{16}}$ **Айвовое** — село в Бахчисарайском районе Республики Крым, входит в состав Тенистовского сельского совета.

¹⁷ **Касаба** – местечко, большое село с мечетью и постоялым двором, обычно резиденция кадия. Э. Челеби не проводит строгой разницы между касаба и селом или деревней, часто употребляя эти термины к одному и тому же населенному пункту.

идущих по мистическому пути, постигали Всеединство и поминали имя Божие. У этого азиза сейчас в Крымской стране сорок тысяч мюридов. Там большой мавзолей в огромном здании с куполами каменной кладки» [Челеби, 2017, с. 67]. Э. Челеби обратил внимание на наличие погребений местных святых: «Действительно, Хызрэфенди – это святой, молитва которого услышана, великий воин и храбрец, в равной степени, как аскет, так и муджахид, великий султан святых нищих суфиев. И его отец – святой Мухаммед-эфенди, и его дед – Хусейн-эфенди похоронены рядом с текие. Теперь это - место поклонения благородных и простолюдинов, мужей сердца» [Челеби, 2017, с. 67]. Таким образом, перед нами в средневековом селении Качы, исходя из рассказа Э. Челеби, предстает стандартный набор строений, характерный для крупного духовного религиозного центра: хан, две мечети, мавзолей, текие Хызр Шаха-эфенди, рядом с ним – место захоронения святых, уже к середине XVII в. превращенное в широко почитаемый Азиз. Присутствуют прямые указания на распространение в селении суфизма, причем как минимум на протяжении нескольких поколений и пользующегося успехом среди жителей окрестных центров. Э. Челеби указывает на значительное количество учеников (хотя цифра в сорок тысяч явно завышена). В окрестностях крепости Инкерман турецкий путешественник обнаружил захоронение Якуба-эфенди, бывшего наставником упомянутого Хусейна-эфенди. Могила располагалась возле местной соборной мечети: «На площадке возле этой древней обители похоронен шейх тариката хальвети Якуб-эфенди. Говорят, он достиг степени кутба. Этот Якуб-эфенди был наставником Хусейна-эфенди из Сиваса, похороненного в селении Качи» [Челеби, 2017, с. 71].

В настоящее время в с. Айвовое расположен мавзолей Уч-Азиз («Три святых»). В последней четверти XIX в. памятник в качестве Азиза упомянул В. Х. Кондараки, указавший на наличие в селении у местного шейха святой реликвии: «Уч-азиз около Бахчисарая при д. Эфендикой. Последним приписывают доставку из Мекки волос Магомета, которые по настоящее время сохраняются у местного шейха в серебряном футляре и показываются однажды в год, в десятый день лунного месяца Ашыра» [Кондараки, 18756, с. 82]. Памятник расположен в с. Айвовое по адресу ул. К.Маркса, 16, на правом берегу р. Кача, в 25 м на запад от реки. Решением Крымского областного исполнительного комитета от 15 апреля 1986 г. № 164 взят на учет, границы охранной зоны не определены. Находится на территории частного домовладения, у западной стены расположены современные хозяйственные постройки. Мавзолей возведен из тесанного и бутового камня-известняка и ракушечника на известковом растворе. Внутри и снаружи стены оштукатурены, без орнаментации. Высота 7,5 м, толщина стен до 0,8 м. Имеет квадратную основу. Вход в помещение расположен в нижней части южной стены. Пол не вымощен, купол в настоящее время покрыт металлом, первоначальное покрытие не сохранилось (возможно, было черепичным). После установления советской власти в Крыму использовался в качестве складского помещения для сельхозинвентаря 4 бригады 3 отделения колхоза им. В. И.Ленина [Свод памятников.., 2016, с. 11]. Частично пострадал во время землетрясения 1927 г.

<u> БББББББББББББББ</u> Боспорские исследования, вып. XLIII

и в годы Великой Отечественной войны от разрыва снаряда. В послевоенный период был произведен ремонт памятника. В 1995 г. проведены работы по перекрытию купола. Во время осмотра памятника в 2003 г. выявлены трещины под куполом, вздутие западной и восточной стен. Осенью 2004 г. Бахчисарайским ПМК-2 произведены ремонтные работы [Свод памятников.., 2016, с. 12]. К сожалению, в распоряжении исследователей пока недостаточно аргументов, чтобы с уверенностью утверждать, что именно о нем идет речь в рассказе турецкого путешественника. Не исключено, что в дюрбе покоился прах шейхов местной дервишской обители, упомянутых Э.Челеби: дед – отец – сын Хусейн, Мухаммед и Хызр-шах. Вероятная дата сооружения – XVII в.

Отрывочные сведения выявлены о несохранившихся до настоящего времени текие, медресе и мечети, некогда составлявших вместе с дюрбе Уч-Азиз единый культовый комплекс. Установлено, что к концу XIX в. текие в селении Эфенди-кой продолжало функционировать и владело вакуфным имуществом в Бахчисарае. Шейхом заведения являлся Сеит Селямет-эфенди. Медресе к 1862 г. находилось в руинированном состоянии, в дальнейшем не восстанавливалось, когда прекратило работу — не ясно. Здание мечети использовалось по своему прямому назначению до 1930 г., когда 5 ноября Президиумом ЦИК Крымской АССР было принято постановление о ее ликвидации и об использовании здания в культурно-просветительских целях [Свод памятников.., 2016, с. 12].

Последний, четвертый из «очагов» находился в степном Крыму в селении Ташлы-Шейх-эли, располагавшемся на территории современного Красногвардейского района. В настоящее время село не существует, во второй половине XX в. до ликвидации носило название Беседино¹⁸. Наименее изученный центр из четырех представленных. Это обусловлено рядом объективных факторов, важнейший из которых – отсутствие материальных свидетельств на территории поселения. При этом археологические разведки не проводились, затруднены регулярной распашкой территории. В историографической традиции конкретные сведения о возможных архитектурноархеологических памятниках, составлявших характерный набор для крупных духовных центров, которым, вероятно, являлся и Ташлы, практически отсутствуют. Все это вынуждает говорить о теоретическом архитектурном комплексе исключительно на основе гипотез и предположений, лишь частично подкрепленных достоверными фактами.

В «Списке населённых мест Таврической губернии по сведениям 1864 г.», составленном по результатам ревизии 1864 г., Ташлы-Шейх-эли — деревня в ведении мусульманского духовного правления с четырьмя дворами, четырнадцатью жителями и соборной мечетью. Видимо, вследствие эмиграции крымскотатарского населе-

¹⁸ Беседино (до 1948 г. – Ташлы-Шейх-Эли) – исчезнувшее село в Красногвардейском районе Республики Крым, располагавшееся на севере района, в степном Крыму, примерно в 2 км к западу от села Новоэстония. В 1950 г. девять колхозов, в том числе и местный, объединили в колхоз «Дружба народов». Ликвидировано в период с 1968 по 1977 г.

ния, особенно массовой после Крымской войны в Турцию, деревня опустела, и на карте 1865 г. на её месте обозначена одна соборная мечеть. О какой именно мечети идет речь – не ясно, поэтому говорить о предполагаемом периоде ее строительства также не представляется возможным. До настоящего времени памятник не сохранился.

Отрывочные сведения содержит «Универсальное описание Крыма» В.Х.Кондараки: «...Все почти деревни имеют свои Азизы, к которым стекаются на молитву расслабленные и одержимые различными недугами. Из них признаны первенствующими три брата Орден-кельме, при останках которых сохраняется в серебряном футляре частица бороды Магомета, и неизвестные, покоящиеся в д. Эдилер-Шейх-эли» [Кондараки, 1875в, с. 35–36]. Здесь же находились и семь погребений, известные как могилы «святых азизов», возможно, принадлежавшие шейхам – наставникам местной суфийской обители [Абдульвапов, 2005, с. 190].

Исходя из полученных сведений о «четырех очагах», есть основания утверждать, что ранее в каждом из этих селений (ввиду практически полного отсутствия информации данный тезис к селению Ташлы-Шейх-эли применим лишь условно) существовал определенный набор архитектурных строений, свойственный мусульманским духовным религиозным центрам. К таковым относятся прежде всего: мечеть (согласно указанию Э. Челеби, в Качы их было две), текие, постоялый двор. Обязательным атрибутом являлось наличие «святых мест» или Азизов, что в очередной раз подтверждает тезис о распространении идей суфизма в этих центрах, т.к. культ святых являлся его важнейшей составляющей [Абдульвапов, 2005, с.189]. В селении Чоюнджи «широко почитаемой» являлась могила шейха, имя которого народная традиция не сохранила, в Колеч — могила шейха Ахмеда-эфенди Коледжского, в Качы — дюрбе Уч-Азиз, в Эдилер — могилы «святых азизов».

Начиная с последней четверти XVIII в. число суфийских обителей в Крыму непрерывно уменьшалось. С установлением советской власти на полуострове процесс кардинально ускорился, и уже к началу 30-х гг. XX в. можно с уверенностью говорить о прекращении функционирования сети обителей как организационной системы. К середине прошлого века в рамках борьбы с «чуждой» религиозной идеологией был уничтожен ряд культовых зданий, в том числе и имеющих непосредственное отношение к суфизму и к т.н. «четырем очагам»: взорвана шейхкойская мечеть, разобрана мечеть в селении Коледж. Материальными свидетельствами некогда крупных духовных центров, с которых, вполне вероятно, началось распространение ислама в Крыму, являются лишь поздние постройки периода Крымского ханства: мавзолей в с. Айвовое и руинированные остатки мечети в с. Давыдово.

В настоящий момент сведения по истории функционирования центров и архитектурных комплексов на их территории малочисленны и крайне фрагментарны. Перспективным направлением представляются археологические исследования, которые до настоящего времени не проводились ни в одном из селений. Значительным подспорьем может стать качественная архивная эвристика, причем не только в цен-

<u> ББББББББББББББ</u> Боспорские исследования, вып. XLIII

тральных архивохранилищах Российской Федерации, но и Турецкой Республики, под протекторатом которой долгое время находилось Крымское ханство.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- *Абдульваап Н*. К истории науки, образования и литературы в Крыму в период Золотой Орды // Qasevet. 2014. № 42. С. 2–23.
- Абдульваап Н. Суфизм и начальный этап активного распространения ислама в Крыму // Qasevet. 2008. № 34. С. 12–27.
- Абдульванов Н. Актуальные проблемы изучения истории суфизма в Крыму // Ученые записки Таврического национального университета, сер.: «Филология». 2005. Т. 18(57), № 3. С. 179–192.
- Абдульвапов Н. Суфизм и начальный этап активного распространения ислама в Крыму // Культура народов Причерноморья. 2006. № 79. С. 140–149.
- Айбабина Е. А. Резные камни городища Чуфут-Кале // Поволжская археология. 2018. № 2. С. 150–167.
- *Акчокраклы О.* 1928 сенеси ичинде къырымда фенний ве тарихий экспедициялар // Эсерлер топламы. Симферополь, 2006. С. 252–256.
- Акчокракли О. Науково-дослідча робота по історії матеріяльної культури у Криму за 1928 рік // Акчокраклы О. Н. Избранные сочинения по истории, археологии, этнографии / Крымский научный центр Института истории им. Ш. Марджани АН РТ; под ред. С.Р.Хакимова. Симферополь: Форма, 2016. С. 115–117 (Сер.: «Наследие Крыма»).
- *Бахревский Е. В.* Суфизм в Крыму: по материалам «Книги путешествия Эвлии Челеби» // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 1. Симферополь: Таврия, 1997. С. 395–402.
- *Бочаров С. Г., Кирилко В. П.* Исторические и архитектурные метаморфозы Шейх-Коя // Stratum plus. 2016. № 6. С. 371–392.
- *Бочаров С. Г., Кирилко В. П.* Мечеть в Шейх-Кой: интерпретационные возможности научных источников в исследовании памятника // Научные ведомости Белгородского государственного университета, сер.: «История. Политология». 2017. № 15(264), вып. 43. С. 64–69.
- *Гаврилов А. В.* Средневековые памятники Юго-Восточного Крыма (материалы к археологической карте) // Сугдейский сборник. 2008. Вып. 3. С. 331–384.
- Засыпкин Б. Н. Памятники архитектуры крымских татар // Крым. 1927. № 2(4). С. 113–168.
- Кирилко В. П. Михраб мечети в Шейх-Кой // Поволжская археология. 2016. № 2(16). С. 138–150
- Кирилко В. П., Бочаров С. Г. Малоизвестная средневековая мечеть в Центральном Крыму (Шейх-кой) // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 4, ч. 2. С. 111–118.
- *Кондараки В. Х.* Универсальное описание Крыма: в 17-ти ч. СПб.: Типография В. Виллинга, 1875а, ч. 11. 87 с.
- Кондараки В. Х. Универсальное описание Крыма: в 17-ти ч. СПб.: Типография В. Виллинга, 1875б, ч. 12. 90 с.
- *Кондараки В. Х.* Универсальное описание Крыма: в 17-ти ч. СПб.: Типография В. Виллинга, 1875в, ч. 14. 146 с.
- Ломакина М. А. Крымские древности в акварелях К. Ф. Богаевского: к 150-летию со дня рож-

Ломакин Д.А. Четыре столпа государственного... ¬ыыыыыыы

- дения художника / Под ред. Е. А. Айбабиной, Д. А. Ломакина. Симферополь: Н. Оріанда, 2020. 448 с. (Серия «Биобиблиография крымоведения»; вып. 30).
- Ломакина М. А., Ломакин Д. А. Две несохранившиеся мечети Восточного Крыма в акварелях феодосийского художника К. Ф. Богаевского // IV международный конгресс археологии евразийских степей «Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований», посвященный 100-летию российской академической археологии, г. Улан-Удэ, 16−21 сентября 2019 г. / Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН; отв. ред. Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин: в 2-х кн. Кн. 1. Улан-Удэ: изд-во БНЦ СО РАН, 2019. С. 218−222.
- Мечети Крыма на старых фотографиях. Из фондов Бахчисарайского историко-культурного археологического музея-заповедника: к 750-летию образования Золотой Орды / Бахчисарайский историко-культурный археологический музей-заповедник; сост. И. В. Зайцев, Ш. С. Сейтумеров, Р. Р. Эминов. М.: Центр книги Рудомино, ИД «Медина», 2016. 112 с.
- Мирас-Наследие. Татарстан-Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах: в 3-х т. / Сост. и отв. ред. С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдиков. Т. 2. Казань: Издат-Принт, 2016. 572 с.
- Отчет Н. С. Барсамова о ремонте древней мечети в деревне Колечь-Мечеть // Охрана и изучение памятников истории и культуры в Крымской АССР: исследования и документы / Авт.-сост. А. В. Хливнюк; под ред. А. А. Непомнящего. Симферополь: СГТ, 2008. С. 91–92. (Сер.: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 11).
- Петрова Э. Б. Исторический и художественный альбом Тавриды Евгения де Вильнёва и Викентия Руссена / Пер. с фр. А. В. Карпенко. Феодосия: ИД Коктебель; Симферополь: Н.Ореанда, 2015. 240 с. (Сер.: «Палитра времени»; вып. 2).
- Протокол заседания ТУАК 25 июня 1920 г. // Филимонов С. Б. Хранители исторической памяти Крыма: о наследии Таврической ученой архивной комиссии и Таврического общества истории, археологии и этнографии (1887–1931). Симферополь: ЧерноморПресс, 2004. С. 122–125.
- Протоколы заседаний ТУАК: 9 декабря 1915 года // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1915. № 53. С. 219–221.
- Свод памятников истории и культуры крымских татар. Т. 2: «Бахчисарайский район» / Крымский научный центр; под ред. Р. С. Хакимрова. Симферополь: Форма, 2016. 184 с.
- Сейдалиев Э. И. Мусульманские культовые памятники Крыма периода Золотой Орды. Современное состояние проблемы // Актуальные проблемы изучения и сохранения исламского наследия Крыма: сборник тезисов международной научно-практической конференции, посвященной 700-летию мечети хана Узбека (г. Старый Крым), 14–18 октября 2014 г. / Крымский инженерно-педагогический университет; Крымскотатарский музей искусств. Симферополь, 2014. С. 65–71.
- Смирнов В. Д. Крымско-ханские грамоты // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1913. № 50. С. 140–178.
- *Хартахай* Φ . Историческая судьба крымских татар // Вестник Европы. 1866. Т. 2, отд. 1. С. 182–236.
- Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области: извлечение из сочинения турецкого путешественника XVII в. / Пер. и комм. Е. В. Бахревского. Симферополь: Медиацентр им. И. Гаспринского, 2017. 312 с.
- Peyssonel M de. Traité sur le commerce de la Mer Noire. Paris. 1787. 340 s.

<u>ыыыыыыыыыыыыы</u> Боспорские исследования, вып. XLIII

REFERENCES

- Abdul'vaap N. K istorii nauki, obrazovaniya i literatury v Krymu v period Zolotoy Ordy [To the history of science, education and literature in Crimea during the period of the Golden Horde]. *Qasevet*, 2014, no. 42, pp. 2–23. (In Russian).
- Abdul'vaap N. Sufizm i nachal'nyy etap aktivnogo rasprostraneniya islama v Krymu [Sufism and the initial stage of the active spread of Islam in Crimea]. *Qasevet*, 2008, no. 34, pp. 12–27. (In Russian).
- Abdul'vapov N. Aktual'nye problemy izucheniya istorii sufizma v Krymu [Actual problems of studying the history of Sufism in Crimea]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta, ser.: «Filologiya»* [Scientific notes of the Taurida National University, series: «Philology»], 2005, vol. 18(57), no. 3, pp. 179–192. (In Russian).
- Abdul'vapov N. Sufizm i nachal'nyy etap aktivnogo rasprostraneniya islama v Krymu [Sufism and the initial stage of the active spread of Islam in Crimea]. *Kul'tura narodov Prichernomor'ya* [Culture of the peoples of the Black Sea region], 2006, no. 79, pp. 140–149. (In Russian).
- Aybabina E. A. Reznye kamni gorodishcha Chufut-Kale [Carved stones of the Chufut-Kale settlement]. *Povolzhskaya arkheologiya* [The Volga River Region Archaeology], 2018, no. 2, pp. 150–167. (In Russian).
- Akchokrakly O. 1928 senesi ichinde kwyrymda fenniy ve tarikhiy ekspeditsiyalar [Scientific expeditions in Crimea in 1928]. *Eserler toplamy* [Collection of publications]. Simferopol', 2006, pp. 252–256. (In Crimean Tatar).
- Akchokrakli O. Naukovo-doslidcha robota po istoriï materiyal'noï kul'turi u Krimu za 1928 rik [Research work on the history of material culture in Crimea in 1928]. *Izbrannye sochineniya po istorii, arkheologii, etnografii* [Selected works on history, archeology, ethnography]. Simferopol', Forma Publ., 2016, pp. 115–117. (In Ukrainian).
- Bakhrevskiy E. V. Sufizm v Krymu: po materialam «Knigi puteshestviya Evlii Chelebi» [Sufism in Crimea: Based on the Materials of the «Travel Book of Evliya Chelebi»]. *Bakhchisarayskiy istoriko-arkheologicheskiy sbornik* [Bakhchisarai Historical and Archaeological Collection], vol. 1. Simferopol', Tavriya Publ., 1997, pp. 395–402. (In Russian).
- Bocharov S. G., Kirilko V. P. Istoricheskie i arkhitekturnye metamorfozy Sheykh-Koya [Historical and architectural metamorphoses of Sheikh Koy]. *Stratum plus*, 2016, no. 6, pp. 371–392. (In Russian).
- Bocharov S. G., Kirilko V. P. Mechet' v Sheykh-Koy: interpretatsionnye vozmozhnosti nauchnykh istochnikov v issledovanii pamyatnika [Mosque in Sheikh-Koy: interpretive possibilities of scientific sources in the study of the monument]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta, ser.: «Istoriya. Politologiya»* [Scientific Bulletin of Belgorod State University, series: «History. Political science»], 2017, no. 15(264), vol. 43, pp. 64–69. (In Russian).
- Gavrilov A. V. Srednevekovye pamyatniki Yugo-Vostochnogo Kryma (materialy karkheologicheskoy karte) [Medieval monuments of the South-Eastern Crimea (materials for the archaeological map)]. *Sugdeyskiy sbornik* [Sugdeya collection], 2008, vol. 3, pp. 331–384. (In Russian).
- Zasypkin B. N. Pamyatniki arkhitektury krymskikh tatar [Architectural monuments of the Crimean Tatars]. *Krym* [Crimea], 1927, no. 2(4), pp. 113–168. (In Russian).
- Kirilko V. P. Mikhrab mecheti v Sheykh-Koy [Mihrab of the mosque in Sheikh Koy]. *Povolzhskaya arkheologiya* [The Volga River Region Archaeology], 2016, no. 2(16), pp. 138–150. (In Russian).

- Kirilko V. P., Bocharov S. G. Maloizvestnaya srednevekovaya mechet' v tsentral'nom Krymu (Sheykh-koy) [Little-known medieval mosque in central Crimea (Sheikh-koy)]. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Kazan State University of Culture and Arts], 2015, no. 4, part 2, pp. 111–118. (In Russian).
- Kondaraki V. Kh. *Universal'noe opisanie Kryma* [Universal description of Crimea]. St. Petersburg, V. Villing Publ., 1875, part 11. 87 p. (In Russian).
- Kondaraki V. Kh. *Universal'noe opisanie Kryma* [Universal description of Crimea]. St. Petersburg, V. Villing Publ., 1875, part 12. 90 p. (In Russian).
- Kondaraki V. Kh. *Universal'noe opisanie Kryma* [Universal description of Crimea]. St. Petersburg, V. Villing Publ., 1875, part 14. 146 p. (In Russian).
- Lomakina M. A. Krymskie drevnosti v akvarelyakh K. F. Bogaevskogo: k 150-letiyu so dnya rozhdeniya khudozhnika [Crimean antiquities in K.F.Bogaevsky's watercolors: to the 150th anniversary of the artist's birth]. Simferopol', N. Orianda Publ., 2020. 448 p. (In Russian).
- Lomakina M. A., Lomakin D. A. Dve nesokhranivshiesya mecheti Vostochnogo Kryma v akvarelyakh feodosiyskogo khudozhnika K. F. Bogaevskogo [Two unpreserved mosques of the Eastern Crimea in watercolors by the Feodosia artist K.F.Bogaevsky]. *IV mezhdunarodnyy kongress arkheologii evraziyskikh stepey «Kochevye imperii Evrazii v svete arkheologicheskikh i mezhdistsiplinarnykh issledovaniy»* [IV International Congress of Archeology of the Eurasian Steppes «Nomadic Empires of Eurasia in the Light of Archaeological and Interdisciplinary Research»]. Book 1, Ulan-Ude, Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2019, pp. 218–222. (In Russian).
- Mecheti Kryma na starykh fotografiyakh. Iz fondov Bakhchisarayskogo istoriko-kul'turnogo arkheologicheskogo muzeya-zapovednika: k 750-letiyu obrazovaniya Zolotoy Ordy [Crimean mosques in old photographs. From the funds of the Bakhchisarai Historical and Cultural Archaeological Museum-Reserve: to the 750th anniversary of the formation of the Golden Horde]. Moscow, Medina Publ., 2016, 112 p. (In Russian).
- Miras-Nasledie. Tatarstan-Krym. Gorod Bolgar i izuchenie tatarskoy kul'tury v Tatarstane i Krymu v 1923–1929 godakh [Miras-Heritage. Tatarstan-Crimea. The city of Bolgar and the study of Tatar culture in Tatarstan and Crimea in 1923-1929]. Vol. 2. Kazan', Izdat-Print Publ., 2016, 572 p. (In Russian).
- Otchet N. S. Barsamova o remonte drevney mecheti v derevne Kolech'-Mechet' [Report by N.S.Barsamov on the repair of an ancient mosque in the village of Kolech-Mechet]. *Okhrana i izuchenie pamyatnikov istorii i kul'tury v Krymskoy ASSR: issledovaniya i dokumenty* [Protection and study of historical and cultural monuments in the Crimean ASSR: research and documents]. Simferopol', SGT Publ., 2008, pp. 91–92. (In Russian).
- Petrova E. B. *Istoricheskiy i khudozhestvennyy al'bom Tavridy Evgeniya de Vil'neva i Vikentiya Russena* [Historical and artistic album of Tavrida by Evgeny de Villeneuve and Vincent Russen]. Simferopol', N. Oreanda Publ., 2015, 240 p. (In Russian).
- Protokol zasedaniya TUAK 25 iyunya 1920 g. [Minutes of the meeting of the Taurida Scientific Archive Commission on June 25, 1920]. Filimonov S. B. Khraniteli istoricheskoy pamyati Kryma: o nasledii Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii i Tavricheskogo obshchestva istorii, arkheologii i etnografii (1887–1931) [Keepers of the historical memory of Crimea: on the legacy of the Taurida Scientific Archive Commission and the Taurida Scienty of History, Archeology and Ethnography (1887–1931)]. Simferopol', ChernomorPress Publ., 2004, pp. 122–125. (In Russian).

<u>ыыыыыыыыыыыыы</u> Боспорские исследования, вып. XLIII

- Protokoly zasedaniy TUAK: 9 dekabrya 1915 goda [Minutes of meetings of the Taurida Scientific Archive Commission: December 9, 1915]. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii* [News of the Taurida Scientific Archival Commission], 1915, no. 53, pp. 219–221. (In Russian)
- Svod pamyatnikov istorii i kul'tury krymskikh tatar [The collection of monuments of history and culture of the Crimean Tatars]. Vol. 2: «Bakhchisarai district». Simferopol', Forma Publ., 2016, 184 p. (In Russian).
- Seydaliev E. I. Musul'manskie kul'tovye pamyatniki Kryma perioda Zolotoy Ordy. Sovremennoe sostoyanie problemy [Muslim religious monuments of Crimea of the Golden Horde period. Current state of the problem]. *Aktual'nye problemy izucheniya i sokhraneniya islamskogo naslediya Kryma: sbornik tezisov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 700-letiyu mecheti khana Uzbeka* [Actual problems of studying and preserving the Islamic heritage of Crimea: a collection of abstracts of the international scientific and practical conference dedicated to the 700th anniversary of the mosque of Khan Uzbek]. Simferopol', 2014, pp. 65–71. (In Russian).
- Smirnov V. D. Krymsko-khanskie gramoty [Crimean-khan letters]. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii* [News of the Taurida Scientific Archival Commission], 1913, no. 50, pp. 140–178. (In Russian).
- Khartakhay F. Istoricheskaya sud'ba krymskikh tatar [The historical fate of the Crimean Tatars]. *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe], 1866, vol. 2, part 1, pp. 182–236. (In Russian).
- Evliya Chelebi. *Kniga puteshestviya. Krym i sopredel'nye oblasti: izvlechenie iz sochineniya turetskogo puteshestvennika XVII v.* [Travel book. Crimea and adjacent regions: extract from the work of the Turkish traveler of the 17th century]. Simferopol', Mediatsentr im. I.Gasprinskogo Publ., 2017, 312 p. (In Russian).
- Peyssonel M de. *Traité sur le commerce de la Mer Noire* [Black Sea Trade Agreement]. Paris, 1787. 340 p. (In French).

Резюме

Воссозданы основные этапы истории исследования ранних суфийских центров на территории Крыма, вошедших в отечественную историографическую традицию в качестве «четырех столпов государственного трона и блюстителей окна правительственных дел», располагавшихся на территории средневековых поселений Чоюнджи, Колеч (Коледж), Качы (Эфенди-кой) и Ташлы-Шейх-эли (Эдилер) в разных частях полуострова. В результате проведенных исследований выявлено достаточно оснований, чтобы утверждать, что в каждом из рассматриваемых поселений располагался крупный религиозный центр, о чем свидетельствуют прежде всего характерные «наборы» архитектурных сооружений: мечеть (в Качы их, вероятно, было две), текие, постоялый двор. Учитывая, что культ святых являлся важнейшей составляющей суфизма, неотъемлемым атрибутом каждого из духовных центров были Азизы или «святые места». В селении Чоюнджи широко почитаемой являлась могила одного из шейхов, в Колеч - могила шейха Ахмеда-эфенди Коледжского, в Качы - дюрбе Уч-Азиз, в Эдилер - могилы «святых азизов». В настоящее время сохранившиеся материальные памятники имеются лишь на территории двух селений – дюрбе (Качы) и руинированные остатки мечети (Шейх-Кой). Относительно недавно (после окончания Великой Отечественной войны) была разобрана до фундаментов мечеть в с. Колеч, взорвана мечеть в с. Шейх-Кой. Ни в одном из центров археологические раскопки не проводились, поэтому это направление для про-

Помакин Д.А. Четыре столпа государственного... <u>ББББББББББББ</u>

должения исследований является наиболее перспективным. Автором широко использован обширный комплекс источников: проанализированы научные труды второй половины XIX – начала XXI века, применены выявленные архивные материалы из фондов центральных и ведомственных архивохранилищ (ГНИМА, ГИМ, Москва; БИКАМЗ, Бахчисарай; ГАРК, Симферополь). Важным дополнением к фотографическому материалу стали акварельные работы феодосийского художника К. Ф. Богаевского середины 20 годов XX века из фондов Феодосийского музея древностей и Феодосийской картинной галереи им. И. К. Айвазовского. Фрагментарная информация об исследуемых памятниках была получена путем анализа протоколов заседаний Таврической ученой архивной комиссии. (Библиогр. 24 назв.).

Ключевые слова: Крым, архитектурно-археологический памятник, мечеть, дюрбе, распространение ислама, суфизм, исторический источник, история изучения.

Summary

Research objective: to recreate, on the basis of an extensive set of sources, the main stages of history of the study of the early Sufi centers in Crimea, which entered the national historiographic tradition as «the four pillars of the state throne and the guardians of the window of government affairs», located on the territory of the medieval settlements of Choyunji, Kolech (Coledzh), Kachy (Efendi-koy) and Tashly-Sheikh-eli (Ediler) in different parts of the peninsula. As a result of the studies carried out, sufficient grounds were obtained to assert that in each of the settlements under consideration there was a large religious centre, as evidenced, first of all, by the typical «sets» of architectural structures: a mosque (in Kachy there were probably two), a tekie and an inn. Given that the cult of saints was the most important component of Sufism, Azizes or «holy places» were an integral attribute of each of the spiritual centers. In the village of Choyunji, the tomb of one of the sheikhs was widely revered, in Kolech – the tomb of Sheikh Akhmed-Effendi Koledzhsky, in Kachy – the Uch-Aziz dyurbeh, and in Ediler – the resting places of the «holy Azizes». At present, the preserved material landmarks can be found only in two villages. They are the dyurbeh (Kachy) and the ruined remains of a mosque (Sheikh-Koy). No archaeological exploration and excavations were carried out in any of the centers, so this direction is the most promising for further studies. (Refs 24).

Key words: Crimea, architectural and archaeological landmark, mosque, dyurbeh, spread of Islam, Sufism, historical source, history of study.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Ломакин Дмитрий Анатольевич – к.и.н., старший научный сотрудник, Институт археологии Крыма РАН, Российская Федерация, 295007, Симферополь, проспект Академика Вернадского, 2. LomakinDA@mail.ru.

ABOUT THE AUTHOR
Dmitriy A. Lomakin – CSc in History,
Senior Researcher,
Institute of Archaeology of Crimea RAN
2, V. I. Vernadsky Avenue, Simferopol, 295007,
Russian Federation.
LomakinDA@mail.ru.